

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

УДК 008:398

СЕМИОТИКА БЕЗУМИЯ В ЯКУТСКОМ ФОЛЬКЛОРЕ

А. Н. ВОЛОДИН,

преподаватель кафедры культурологии философского факультета, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, 295007, Симферополь, ул. Ялтинская, 20, тел. + 7 (3652) 60-21-54, e-mail: stburah@gmail.com.

Д. Е. ЖИТОВА,

студентка III курса направления подготовки «Турецкий язык и литература», Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, e-mail: jitova_darina@mail.ru.

АННОТАЦИЯ

Володин А. Н., Житова Д. Е. Семиотика безумия в якутском фольклоре.

В центре данного исследования – осмысление феномена сумасшествия в фольклоре и постфольклоре Якутии. Безумие предстаёт как следствие болезни или старости (в редких случаях), или как следствие проклятия шамана и божеств верхнего мира, или же (в большинстве случаев) как результат встречи с божествами нижнего и среднего миров. На материале устного народного творчества и со-

временного интернет-фольклора описан устойчивый мотив посмертного превращения сумасшедшего в юёра – злого духа. Подчеркивается укоренённость связи между страданием и обретением силы в мифологической картине мира якутов. В контексте обсуждения эмиряченья, якутского этноспецифического психического заболевания, делается предположение о том, что мифологизация сумасшествия выполняет функции охранного мифа, необходимого для регуляции отношений в якутском традиционном обществе.

Ключевые слова: якутский фольклор, семиотика безумия, юёр, шаманизм, миф, мэнэрик, эмиряченье.

SUMMARY

Volodin A. N., Zhitova D. E. Semiotics of Insanity in the Yakut Folklore.

The key issue of the article is comprehension of the phenomenon of insanity in folklore and post-folklore of Yakutia. Madness appears as a consequence of illness or old age (in rare cases), or as a consequence of the curse of the shaman and deities of the upper world, or the result of a meeting with the deities of the lower world and the middle world (in most cases). On the material of folklore and modern Internet folklore a steady motive of the posthumous transformation of a madman into an evil spirit is described. The authors underline the connection between suffering and gaining power in the mythological worldview of the Yakut. In the context of discussion of emiryachenie, Yakut ethnospecific mental illness, an assumption is made that that the mythologization of insanity fulfills the functions of a protective myth and is necessary for the regulation of relations in the Yakut traditional society.

Ключевые слова: *Yakut folklore, semiotics of insanity, yuyer, shamanism, myth, menerik, emiryachenye.*

Постановка проблемы. Интерпретация феномена сумасшествия в традиционной культуре, в том числе и фольклоре, вызывала пристальное внимание многих учёных: Ю. М. Лотман рассматривает безумие в контексте бинарной

оппозиции «дурак – сумасшедший» и утверждает его статус непредсказуемого поведения, «обладающего определённой сверхчеловеческой осмысленностью» [3], О. М. Фрейденберг обсуждает безумие как метафору смерти в ключе оформления мифологического мировоззрения [6]; причастность сумасшествия к сакральному началу обосновывает М. Фуко [7]. Зачастую исследователи раскрывают специфику мотива безумия на материале классической литературы, фольклор остаётся во многом вне поля зрения исследователей.

Цель исследования – определение семантики и прагматики сумасшествия в мифологической картине мира якутов. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать комплекс фольклорных и постфольклорных текстов Якутии, выявить исторические и мифологические предпосылки формирования значения сумасшествия в якутской культуре.

Материалом для данного исследования выступает как архаический фольклор, т.е. фольклор в традиционном понимании, так и современный городской фольклор и «интернетлор» (тексты сетевых коммуникаций, обладающие многими чертами текстов фольклорных) [5].

Якутский фольклор – сложный и многоплановый комплекс текстов, не поддающийся классификации и типологизации по содержанию. Часто фольклорный текст одновременно носит черты мифа (передает представление об устройстве мира, о человеческом и божественном, объясняет причины и сущность явлений), были (рассказа о встрече со сверхъестественным, в этом случае рассказчик не был свидетелем встречи), былички (рассказчик был непосредственным свидетелем встречи со сверхъестественным), страшилки (рассказа, ставящего целью испугать слушателя, в данном случае встречаются в студенческом фольклоре и интернетлоре) и бытового рассказа (описания повседневной жизни).

В якутском фольклоре и постфольклоре человек сходит с ума по разным причинам. В малой части сюжетов – от старости или из-за болезни, наиболее чаще – из-за проклятия шамана или божеств верхнего мира, айыы, или же будучи замученным абасы – злыми антропоморфными духами нижнего и среднего миров. Описания врожденного безумия практически отсутствуют. Проклятие айыы, светлых богов, которые в представлениях якутов всегда являлись справедливыми, человек получал из-за аморального поведения, нарушенного запрета, табу или обещания, из-за совершенного преступления. За злодеяния человека мог проклясть и добрый шаман, изредка шаманы проклинали врагов своей земли. Злой же шаман мог обречь человека на страдания безо всякой на это причины.

Во всех случаях упоминания о сумасшествии в якутском фольклоре и постфольклоре обычно присутствует единый мотив, подвергающийся лишь небольшим изменениям. Безумный человек часто изображается мечущимся, ищущим, испытывающим дискомфорт от нахождения в мире людей, страдающим. Он умирает своей смертью, совершает суицид или просто исчезает, после чего обязательно превращается в *юёра* – злого духа. Юёрами после смерти становились люди, испытывавшие сильные страдания, самоубийцы, причинившие людям много зла или, наоборот, обиженные людьми шаманы (например, Чаадай Боллох [2, с. 297], шаман, умерший мучительной смертью из-за того, что у него украли собаку), сумасшедшие, а также люди, убитые абасы или иной нечистью. В некоторых рассказах превращение в юёра описывается как невыносимо болезненное – с лица духа умершего сдирают кожу, разворачивают его голову затылком вперед и лишь после этого вновь отпускают в средний мир [8].

Юёр обладает огромной силой, он часто одержим жаждой мести. Юёр может преследовать людей, мучить их, насылать на них болезни, сумасшествие и различные бед-

ствия, по некоторым свидетельствам – вселяться в них. Задобренные юёры сменяют гнев на милость, отзывают болезни и неудачи, начинают помогать людям – для этого им приносят жертвы, посвящают животных; шаманы, камлая, впускают юёров в себя.

Особо известны такие юёры, как братья Дьаранаас и Чаадай Боллох, дочь Омогой бая – Ньыкаа Даххан [2, с. 291]. Пищей Дьаранааса после смерти стали дети возрастом до трех лет, Чаадай Боллох же препятствовал охотникам в промысле. Чтобы добиться его милости, его поминали добрым словом, читали заклинания в его честь, делились пищей, посвящали ему «голубовато-серого пса, имеющего рыжие пятна у основания ушей, рыжеватые подпалины на коленях» [2, с. 299], такую собаку берегли и лелеяли. Ньыкаа Даххан повесилась, обиженная тем, что легендарный предок якутов, Эллэй, предпочел ей её сестру. После смерти она стала сильным свирепым юёром, насылающим глазные болезни. В старину шаманы заставляли ее собирать вместе более слабых юёров, она ими руководила [2, с. 292].

В «Рассказе о Бахсы айыыта» [2, с. 310–311] сообщается о том, как князец Бахсытского наслега по имени Дьэллэмэй становится безумным и затем превращается в юёра. За данным героем закреплено несколько историй, объясняющих сумасшествие Дьэллэмэя. В одной говорится, что, проезжая по дороге, он увидел лисицу, за которой погнался. Этой лисицей оказался абасы, который, убегая от князя, превращался то в колонка, то в огонь, то во всадника. Однако князь не прекращал погони и преследовал свою цель три дня. После этого его нашли родственники. К тому моменту он уже стал безумным. В двух других версиях князь отнимает покос у сына умершего шамана, эти версии различаются лишь тем, что в первой присутствует только могила отца, а во второй ещё и могила другого шамана. Обиженный сын шамана идет на могилу, плачет и жалуется

ся умершему отцу, просит у него защиты. В этот же миг поднимается буря и вихрь, и Дьэллэмэя либо опалает молнией, либо сдувает вихрем, после чего он теряет рассудок. Во всех версиях князь остается безумцем ещё на протяжении девяти лет, после чего умирает и становится юёрем, преследующим увидевшего его человека. Согласно поверью, тот, кто услышит удар его плети, сходит с ума или умирает.

В мифе «Дух-хозяйка Алтана» [2, с. 312] дочь богатого улусного головы кангаласца после свадьбы с сыном мегинского богача становится безумной. Девушка росла сильной и здоровой, но в возрасте пятнадцати лет посинела, когда её обводили на свадьбе по направлению солнца вокруг коновязи. От встречной коновязи девушка должна была ехать к тьюсюлгэ (месту празднования) верхом, но слишком ослабела для этого. Приехав, молодожены вновь стали обходить коновязь с солнечной стороны. Тогда над тьюсюлгэ пронесся звон колокольчика, и сверху прозвучала звонкая песня. Девушка сошла с ума и, иногда приходя в сознание на несколько месяцев, прожила ещё пятнадцать лет. Отношение к женщине было уважительным: ей никто не перечил, она имела полную свободу передвижения и в ясном сознании, и в состоянии безумия. В данном мифе четко виден мотив отчуждения от человеческого мира: в состоянии безумия женщина уходила прочь от людских домов, в заброшенные, пустые строения или на мыс реки. Она также отказывалась от теплой пищи, ела только мерзлое мясо, которая запрещала рубить топором, сама откалывая его маленьким рыболовным ломом. Её не умывали и не заплетали ей волосы, иначе её болезнь усиливалась. Встречая её, люди кланялись ей и произносили заклинание-мольбу. Летом она пропадала на несколько дней, и никто не мог найти её. Говорили, что по тому месту, где она захочет пройти, впереди неё пролетит вихрь (с вихрем в якутской мифологии путешествуют, например, духи-хозяе-

ва земли) [2, с. 303]. Девушка повесилась на берегу реки Тураахтаах, выпросив конский повод у местного шамана Хакыра. Люди Алтана несколько дней не могли её найти, пока она сама не позвала их голосом ворона. Тогда её похоронили в срубной могиле, которую в течение долгого времени обходили лесные пожары. После смерти хозяйка Алтана стала злым духом – о её приближении люди узнавали по очень громкому звону колокольчиков и песне.

Бывальщина «Приобретение крыльев» звучит следующим образом: «На территории современного колхоза им. Куйбышева, в I Мельжахсинском наслеге, в местности, называемой “Чонгхох”, долгие годы ухаживали, присматривали за женщиной, которая сошла с ума. Ее величали “Мельжахсинской госпожой”. По рассказам, позже у этой женщины выросли крылья, и она улетела в Верхний мир. Ее настоящее имя, говорят, никогда не произносили вслух, боялись ее, да и почитали. Это истолковывалось, согласно прежним верованиям, как ее отлет в неведомую даль. С той поры она стала дерзкой юёр, упоминаемой лишь в шаманских заклинаниях» [2, с. 292].

Превращение умершего душевнобольного в юёра связано с одним из устойчивых представлений в мифологической картине мира якутов. Это представление о связи страдания и приобретения силы (часто – злой силы), сформировавшееся благодаря шаманизму, главным образом, благодаря верованиям об инициации и рождении шаманов. Согласно верхоянской группе северных якутов, описанных И. А. Худяковым, прародительницами шаманов являются лягушки, живущие на севере, в смертном море, родящие четырехгранные камни, из которых позже мать-зверь на дереве шаманов высиживает птенцов – души шаманов. Если обитатели нижнего мира решают, что шаману суждено стать особенно свирепым и жестоким, его птенца-душу стегают прутьями, пока он не превратится в крупную лягушку [1, с. 57].

Во время своей инициации шаман проходит через большие страдания, как телесные, так и духовные. Когда будущий шаман или будущая удаган, ещё ребёнок, приближается к периоду полового созревания, его душу забирают с собой духи нижнего мира (они являются слугами дарителя шаманов – Господина Земляное Брюхо, Улу Тойона) и уносят её на гору в устье реки Лена, место, где все шаманы проходят инициацию. Физическое тело ребёнка в это время находится без сознания, в состоянии сильной болезни, однако человек принимает воду и пищу. Душу же ребёнка сначала расчлениают на множество кусков, которые позже проглатывают и выплевывают духи. Душа в этот момент жива и не испытывает физической боли. После трапезы духов душу шамана вновь собирают по кусочкам, и духиптицы сращивают её своей слюной. После этого ребёнка объявляют слабым, средним или же великим шаманом (в зависимости от того, сколько духов полакомились душой шамана и дали ему свою силу и протекцию взамен на угощение), и его душа возвращается в тело [8].

Мифологизация сумасшествия в якутских религии и фольклоре, а также мотив превращения безумного человека в юёра, на наш взгляд, носят черты охранного мифа. Они призваны обезопасить людей, страдающих эмиряченьем или же мэнэриком, этноспецифическим психическим заболеванием, которое характеризуется повторением слов и действий окружающих, исполнением даже самых опасных приказаний, состоянием, близким к трансу, дрожанием конечностей и тела, беспокойством и страхом, судорогами, истерией. Это заболевание было распространено среди якутов вплоть до начала XX века.

Данную болезнь принято относить к «культурно-специфическим расстройствам». Они обладают следующими признаками: во-первых, признаются в определённой культуре болезнью, при этом не являются ни сознательным действием, ни притворством; во-вторых, широко распрос-

транены в этой культуре; в-третьих, отсутствуют в других культурах и, как следствие, не признаются ими за болезнь; в-четвёртых, нет видимых биохимических и структурных изменений органов тела и их функций [9, с. 898–901]. Состояния, подобные эмиряченью, были обнаружены и у жителей Юго-Восточной Азии (синдром «лата»), и у жителей Европы (описанный в конце XIX века синдром «прыгающего француза из штата Мэн»), и в других обществах.

Эмиряченье встречалось в виде индивидуального заболевания, но могло носить массовый характер, мэнэрики сбивались в целые толпы. В 1870 году сотник Нижне-Колымского казачьего отряда в ужасе сообщал местному врачу: «Болеют какой-то странною болезнью в Нижне-Колымской части до семидесяти человек. Это их бедственное страдание бывает более к ночи, некоторые с напевом разных языков, неудобопонятных; вот как я каждодневно вижу пять братьев Чертковых и сестру их с девяти часов вечера до полуночи и далее; если один запел, то все запевают разными юкагирскими, ламаутскими и якутскими языками, так что один другого не знает; за ними их домашние имеют большой присмотр» [4]. Изучением данного феномена много занимался врач Сергей Иванович Мицкевич, особенно подчеркивавший уязвимость и незащищённость больных в состоянии эмиряченья.

Именно мифические представления о загробной судьбе душевнобольных выступали символическим барьером, предостерегавшим других членов общества от какого-либо злоупотребления болезненным состоянием человека. Страх перед возможной расплатой за нанесение обиды душевнобольному выступал специфическим инструментом регулирования отношений в якутском обществе.

Выводы. Сумасшествие в якутском фольклоре и постфольклоре зачастую понимается как следствие соприкосновения человека со сверхъестественным миром. Оно может возникать у человека в результате проклятия ша-

мана и божеств верхнего мира или же проявляться после встречи со злыми богами нижнего мира и среднего мира. Существует устойчивый мотив посмертного обращения сумасшедшего в юёра – злого духа. Данный мотив восходит к более широкому представлению в мифологической картине мира якутов – представлению о связи между страданием и обретением силы. Рассказы о сумасшествии имеют черты охранного мифа, способны защищать особо уязвимых представителей общества и компенсировать социальное неравенство: в якутской мифологии и культуре распространено уважительное отношение к душевнобольным.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы заключаются в сопоставлении взгляда на безумие в фольклоре, постфольклоре и классической литературе; другое возможное развитие работы – поиск связи между феноменом сакрального безумия и статусом сумасшествия в мифологической картине мира.

Список использованных источников

1. Алексеев А. Н. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. М.: Наука, 1984. 233 с.
2. Алексеев А. Н. Якутские мифы = Саха ес-номохторо. Новосибирск: Наука, 2004. 451 с.
3. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство–СПб., 2000. 704 с.
4. Мицкевич С. М. Мэнерик и эмириченье. Формы истерии в Колымском крае. Л.: Из-во Академии наук. 1929. 53 с.
5. Неклюдов С. Ю. Постфольклор // Большая российская энциклопедия. Председ. науч.-редакц. совета Ю. С. - Осипов. Т. 27. Полупроводники-пустыня. М.: Большая Российская Энциклопедия. С. 271–273
6. Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
7. Фуко М. История безумия в Классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.

8. Энциклопедия ужасов «Мракопедия» [Электронный ресурс]. URL: <https://mrakopedia.org/wiki/Якутия> (дата обращения 15.08.2017).

9. Appendix I. Outline for Cultural Formulation and Glossary of Culture-Bound Syndromes // Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders. Text Revision (DSM-IV-TR). Washington, DC, 2000. Vol. 4.